

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ДЕВУШКА И
ПРЯМАЯ ДОРОГА

Сергей Патрушев

Девушка и прямая дорога

«Автор»

2026

Патрушев С.

Девушка и прямая дорога / С. Патрушев — «Автор», 2026

Представьте, что вы идёте пешком. Просто так. А мир сходит с ума! К вам липнут все виды мужских психозов: Мажор: «Вот ключи от Майбаха и моя кредитка!» — Аннушка молча поправляет воротник. Философ: «Смысла нет, ляг в пыль!» — Аннушка идёт дальше. Гонщик: «Дрифт или жизнь?!» — Аннушка показывает средний палец (элегантно). Собачник со щенком: «ПОГЛАДЬ СОБАКУ, ЖЕНЩИНА!» — (Это было больно даже ей). Итог: Анна просто хочет спать, но Вселенная настойчиво пытается её подвезти. Читайте о том, как идеально игнорировать весь мир одним движением брови.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Блондин на «Ладе»	5
Глава 2. Романтик с полевыми цветами	11
Глава 3. Владелец черного БМВ	19
Глава 4. Застенчивый программист	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Девушка и прямая дорога

Глава 1. Блондин на «Ладе»

Асфальт плавился под полуденным солнцем, превращая узкую обочину пригородного шоссе в липкую черную реку. Воздух дрожал над раскаленной землей, искажая очертания далеких сосен, и казалось, что лес плывет в мареве, как мираж в пустыне. Анна шла по самой кромке дороги, стараясь не наступать на битое стекло и россыпи окурков. На ней были тяжелые армейские ботинки со сбитыми носами, старые джинсы, превратившиеся от бесчисленных стирок в бледно-голубую тряпку, и выцветшая фланелевая рубашка, рукава которой она закатала до локтей.

За спиной остался бетонный периметр закрытого научно-исследовательского городка «Синтез-4», где она провела последние восемнадцать лет своей жизни. Впереди, километрах в десяти, если верить пожелтевшей бумажной карте, купленной за последние сто рублей на вокзале областного центра, лежал настоящий город. Город из стекла, бетона и чужих людей. Свобода пахла нагретой смолой, сухой пылью и выхлопными газами.

Она ушла отсюда рано утром, пока сонная охрана у западных ворот лениво пила растворимый кофе. В ее старом брезентовом рюкзаке, который весил больше, чем она сама, лежали три смены белья, потрепанный томик Канта, пачка дешевого чая, металлическая кружка и тонкая пластиковая папка с документами. В документах значилось: «Анна Сергеевна Воронова. Статус: сирота. Социальное обеспечение: государственное специализированное учреждение». Никакого прошлого. Никаких родителей. Только номер личного дела, похожий на инвентарный код старой мебели. Она была чистым листом, вырванным из середины книги, которую никто никогда не прочитает.

Первые два часа пути дались легко. Эйфория пьянила лучше любого вина. Каждый шаг отдалял ее от серых корпусов лабораторий, от запаха формалина и озона, от взглядов кураторов, которые всегда смотрели так, словно препарировали ее душу скальпелем. Она дышала полной грудью, впервые чувствуя, как ветер свободно гуляет под волосами, не встречая на своем пути решеток или систем вентиляции. Солнце жгло плечи, но это было приятное, живое тепло. Настоящее.

К одиннадцати часам эйфория начала испаряться вместе с утренней росой. Плечи ныли от лямок рюкзака, ступни горели внутри жестких ботинок, а во рту пересохло. Вода закончилась еще четыре километра назад. Анна сошла с асфальта на едва заметную тропинку, ведущую через редкий перелесок к небольшому оврагу, на дне которого должен был пробиваться родник. Карта обещала воду, а карта ошибаться не могла — ее составляли те же люди, что проектировали их закрытый мир.

Она спустилась по осыпающемуся склону, хватаясь руками за жесткие ветки орешника. Дно оврага действительно дышало прохладой. Под замшелым валуном бил крошечный ключ. Анна опустилась на колени прямо на сырую землю, расстегнула ворот рубашки, чтобы остудить разгоряченную кожу, и припала губами к ледяной струе. Вода обжигала горло, вымывая привкус казенных столовых. Она пила долго, зачерпывая влагу ладонями, пока зубы не заломило от холода.

Именно в этот момент, когда она сидела на коленях, низко склонив голову, тишину леса разорвал звук двигателя. Старый, нутжно хрипящий карбюраторный мотор, которому отчаянно требовалась настройка клапанов. Звук приближался медленно, вязко, перекатываясь между деревьями.

Анна замерла. Инстинкты, вбитые в нее годами строгой дисциплины, сработали быстрее мысли. Тело само подобралось, мышцы напряглись, готовые бросить ее вверх по склону,

в густые заросли бузины. Она знала десятки способов исчезнуть с открытого пространства за доли секунды. Но здесь, в тесном овраге, бежать было некуда. Оставалось только ждать, слившись с тенями.

Шум мотора стих прямо над ее головой. Хрустнули сухие ветки под тяжелыми колесами. Наступила звенящая, почти абсолютная тишина, прерываемая лишь шелканьем остывающего металла.

— Эй! — раздался голос откуда-то сверху. Голос был молодым, ломающимся, с наглыми бархатными нотками. — Ангел, ты там не утонула?

Анна подняла голову. Над краем обрыва нависал капот старой бежевой «Лады-семерки». Краска на левом крыле пошла пузырями от ржавчины, правая фара была разбита и заделана куском мутного скотча. Машина стояла на ручнике, опасно накренившись над склоном. Боковое стекло со стороны водителя было опущено. Из салона тянуло дешевым табаком и сладким запахом фруктового ароматизатора, болтавшегося на зеркале заднего вида.

В проеме окна показалась голова. Светлые, почти белые волосы парня стояли дыбом, явно пережившие встречу с автомобильной щеткой вместо расчески. Глаза оказались неожиданно темными, цвета крепко заваренного чая, и смотрели с веселым, хищным любопытством. Он высунулся из машины по пояс, перегнувшись через пассажирское сиденье, упираясь локтем в крышу. На нем была грязно-белая майка-алкоголичка и массивная золотая цепь, которая смотрелась на его тонкой шее нелепо и дешево.

— Я минут пять сигналю, — продолжил блондин, шурясь от солнца. — Думал, труп нашел. А тут сидит такая... Красивая. Как падший ангел после хорошей драки. Вся в грязи, губы синие, глаза злые. Идеально.

Анна молча смотрела на него. Ее лицо оставалось непроницаемой маской. За годы жизни среди ученых и военных психологов она научилась главному искусству — не давать собеседнику никакой обратной связи. Ни страха, ни интереса, ни раздражения. Пустота.

Парень прищелкнул языком, оценив ее молчание. — Необщительная, значит. Это даже интереснее. Слушай, красавица, куда путь держишь? До города топать еще километров восемь по жаре. Асфальт сейчас расплавится, твои чудесные ножки сварятся вкрутую. Садись, подброшу. У меня кондиционер работает. Ну, то есть окно открыто, но ветер знатный.

Он говорил без остановки, заполняя звуком повисшую неловкость. Его язык работал быстрее, чем соображала голова.

— Меня, кстати, Макс зовут. Максим то есть. Но для красивых девушек я исключительно Макс. Можно просто Ваше Величество, но это на третьем свидании. А тебя как называть? Или позывной какой-нибудь секретный? «Объект Икс»? «Стриж»? Судя по взгляду, ты можешь голыми руками шею свернуть, так что я буду предельно вежлив.

Анна перевела взгляд с его лица на машину. Старая «Лада», забитая изнутри пустыми банками из-под энергетиков, какими-то проводами и скомканной картой области. Типичный местный ездок. Безобидный гедонист, ищущий приключений на пыльных дорогах родного края. От него не пахло угрозой. От него пахло дешевым одеколоном и юношеским максимализмом.

Она медленно поднялась на ноги, стряхивая влажные песчинки с коленей. Движение вышло плавным, текучим, лишенным резкости.

Макс воспринял это по-своему. Его лицо просияло. — О! Процесс пошел! Давай руку, подсоблю выбраться отсюда. Земля скользкая, каблуки сломаешь... Хотя какие каблуки, прости господи. В этих говнодавах только сваи забивать. Ты что, сбежала с репетиции панк-группы? Или из секты выживальщиков?

Анна сделала шаг к склону. Блондин продолжал болтать, заглушая своим голосом любой возможный дискомфорт: — Да расслабься ты. Я белый и пушистый. Почти. Налоги вот только не плачу, потому что официально безработный. Батя тачку отдал, сказал — чини сам. Третий

месяц чиню, уже привык. Зато свобода, птичка! Куда хочу, туда лечу. Могу в город отвезти, могу в соседнюю область, могу замуж позвать, если картошку копать умеешь. У меня дом в деревне, бабка оставила. Печка русская, романтика. Будем сидеть у огня, я тебе Канта почи-таю, вижу по глазам — ты такое любишь. Или нет, Канта не надо, он зануда. Лучше Есенина. «Грубым дается радость, нежным дается печаль...» Тебе какая строчка ближе, ангел?

Он все еще висел на дверце, загораживая ей обзор. Анна остановилась в метре от машины. Она посмотрела прямо в его темные смеющиеся глаза. Взгляд длился секунду, может быть, две. Для обычного человека этого времени достаточно, чтобы почувствовать себя неуютно под рентгеном. Макс моргнул первым. Легкая улыбка чуть дрогнула на его губах.

— Понял, — тихо сказал он, внезапно перестав ерничать. — Молчанка — это твой конек. Круто. Редкое качество в наши дни. Все трещат без умолку. Ладно. Раз молчишь — поедem молча.

Он втянулся обратно в салон, громко хлопнув дверцей. Анна услышала, как повернулся ключ в замке зажигания. Мотор чихнул, выплюнул облако сизого дыма и снова затих. Еще одна попытка. Искра схватила, двигатель закашлялся, завыл стартер, и наконец старая «семерка» ожила, мелко вибрируя всем железным телом.

Макс высунулся в окно снова, теперь уже сидя нормально за рулем. — Ну? Решайся. Либо мы едем, либо я сейчас усну от скуки прямо тут, машина покатится вниз, и мы красиво разобьемся о камни. Романтичный финал, конечно, но у меня вечером пиво не допито. Руку давай.

Анна подошла к водительской двери. Макс удивленно приподнял брови, ожидая, что она пойдет к пассажирскому месту. Она положила ладонь на теплый металл крыши, заглянула внутрь. Салон был прокурен насквозь. На приборной панели тикали дешевые электронные часы.

Она открыла дверь.

Запах старого пластика ударил в нос. Анна перекинула тяжелый рюкзак с плеча, собираясь забросить его на заднее сиденье.

— Э-э-э, нет, — быстро протянул Макс, перехватывая ее движение. — Ценные вещи поближе к сердцу. Мало ли, менты тормознут, начнут досмотр. Мне проблемы не нужны. Сюда кидай.

Он кивнул на пространство у рычага коробки передач, между своими ногами. Место было тесным, грязным, обитым потертым кожаном.

Анна мгновение колебалась. Позволять незнакомцу держать свои вещи так близко означало потерю контроля. Но спорить было бессмысленно — тратить время и слова на пререка-ния она не собиралась. Она аккуратно, боком, опустила рюкзак ему под ноги. Брезентовый бок тяжело впечатался в педаль сцепления.

— Осторожнее, дамочка, это вам не рояль, — буркнул Макс, отодвигая ногу. — Тут чувствительность нужна.

Анна села в кресло. Оно оказалось продавленным до самого каркаса, пружины впились в бедра сквозь тонкие джинсы. Дверь захлопнулась с глухим, дешевым звуком. Она оказа-лась заперта в маленькой металлической коробке с абсолютно незнакомым человеком посреди пустой трассы. Любой другой на ее месте почувствовал бы приступ паники. Анна лишь про-верила взглядом расстояние до ручки двери. Полсекунды на открытие. Полторы — на выпад наружу.

Макс бросил на нее быстрый взгляд, включил первую передачу, и машина дернулась впе-ред, чудом не съехав юзом обратно в овраг.

— Пристегнуться бы, — весело заметил он, выкручивая руль. — Ремень безопасности — лучший друг пешехода. Но тебе можно без него. Ангелы ведь бессмертны, да? Если что,

я просто вытряхну тебя из покореженного железа, помашу платочком и поеду дальше. Шучу. Платочка нет.

Они выбрались на асфальт. «Лада» набрала скорость, издавая такой вой и гул, будто готовилась развалиться на каждой кочке. Макс вел одной рукой. Вторая рука небрежно лежала на руле, придерживая его лишь кончиками пальцев. Он насвистывал какую-то навязчивую попсовую мелодию, постукивая пальцами в такт.

Анна смотрела на дорогу. Поля сменялись жидкими перелесками. Мелькнул синий указатель населенного пункта, название которого ей ничего не говорило. Впервые за много лет она ехала в машине не в качестве сопровождения куратора и не в зарешеченном фургоне психиатрической бригады. Сиденья тряслись, горячий воздух бил в лицо из открытого окна, солнце слепило глаза. Это была настоящая, неконтролируемая жизнь. Чужая жизнь, частью которой она становилась поневоле.

— Так и будешь смотреть вдаль трагическим взором? — нарушил молчание Макс спустя десять минут монотонной езды. — Дорога красивая, согласен, но шея заболит. Говорят, разговор сближает. Могу рассказать анекдот. Про программистов, правда, но суть ты уловишь. Летит программист в а...

Анна медленно повернула голову и посмотрела на него. Просто посмотрела. Без угрозы, без просьбы. Просто зафиксировала взгляд на его переносице.

Макс мгновенно подавился следующим словом. Его уверенная ухмылка сползла, обнажив растерянность.

— Понял, — сипло сказал он и сглотнул. — Молчим. Отличный план. Экономим кислород.

Он уставился на дорогу, крепче вцепившись в руль обеими руками. Следующие пятнадцать минут прошли в относительной тишине, нарушаемой только ревом мотора и периодическими сигналами недовольных водителей, которых они обгоняли по правой обочине. Макс пытался пару раз включить радио, ловил шипящую волну с шансоном, морщился и выключал. Попытка заговорить о погоде тоже умерла, не родившись, столкнувшись с каменным спокойствием спутницы.

Анна анализировала ситуацию. Парень нервничал. Чем дольше длилось молчание, тем сильнее он суетился: чаще поправлял зеркало заднего вида, хотя оно стояло идеально, теребил край своей майки, барабанил ногой по полу, рискуя попасть по собственному рюкзаку. Ему определенно не нравилось отсутствие реакции. Люди вроде Макса питаются эмоциями окружающих — смехом, гневом, страхом. Когда корм отрезан, они начинают голодать и совершать ошибки.

Впереди показался крутой подъем. Дорога сужалась, уходя серпантином вверх, к виднеющейся телевышке. Грузовик впереди полз со скоростью беременной черепахи, изрыгая черный дым.

Макс раздраженно посигналил. Сигнал прозвучал жалко и визгливо. — Козел, — процедил блондин сквозь зубы. — Купил права в сельпо. Сейчас будет пытаться обогнать ту фуру на сплошной. Спорим на твою косу, что именно так и сделает?

Дорога стала извилистой. Деревья подступили вплотную. «Лада» вошла в поворот, накренившись так сильно, что Анну прижало плечом к горячей дверце. Она почувствовала запах паленого сцепления и сладкий, тошнотворный запах перегревшегося антифриза. Стрелка температуры на приборной панели поползла в красную зону.

Макс этого не замечал. Он вошел в раж гонщика-недоучки. Обходя грузовик по встречной полосе перед самым носом несущейся навстречу иномарки, он победоносно нажал на клаксон, оглушив всех вокруг.

— Видала?! — крикнул он, сияя глазами, полными мальчишеского восторга и адреналина. — Мы им показали! Скорость — это свобода!

Свобода обернулась красным огнем стоп-сигналов. Фура впереди резко затормозила, объезжая глубокую яму. Макс среагировал слишком поздно. Он ударил по тормозам. Визг стертых колодок смешался с запахом жженой резины. Машину занесло юзом. Зад «Лады» начало стаскивать на мокрую (после полива) обочину.

Время для Анны растянулось. Она видела каждое движение мышц на руках блондина, каждую каплю пота на его виске. Она видела, как бесполезно вращается колесо, потеряв сцепление с дорогой.

Инстинкт взял верх над философией.

Ее левая рука легла на ручной тормоз. Правая — перехватила руль поверх рук Макса, жестко выравнивая траекторию.

— Ручник брось! — коротко, без интонаций бросила она. — Газ добавь. В сторону заноса. Живо.

Макс застыл, парализованный ужасом и неожиданностью. Его светлые волосы прилипли ко лбу. Он тупо смотрел на ее руки, уверенно управляющиеся с его развалюхой.

Анна сама дернула рычаг. Нажала на его ногу, безвольно лежащую на педали газа, заставляя двигатель взвыть. Вывернула руль. «Ладу» тряхнуло, переставило боком поперек полосы и выровняло ровно за сантиметр до заднего бампера фуры. Они остановились.

Повисла тишина. Было слышно только тиканье остывающего двигателя и испуганный писк птиц в лесу.

Макс сидел, вцепившись в руль побелевшими костяшками. Его кадык судорожно дернулся. Он шумно выдохнул, выпустив воздух, который сдерживал все эти несколько секунд.

— Охренеть, — прошептал он. Голос сел окончательно. — Ты... ты кто вообще такая?

Анна убрала руки с руля. Медленно, плавно вернула их на колени. Посмотрела прямо перед собой.

— Никто, — ответила она ровно. — Просто попутчица.

Фура впереди тронулась, бибкнув на прощание, и медленно поползла дальше. Макс проводил ее стеклянным взглядом. Он боялся пошевелиться. Боялся посмотреть на девушку, сидящую рядом. Та, кого он подобрал на дороге как забавную игрушку, странную дикарку для своих шуток, вдруг обнажила стальной каркас. Он понял, что везет в своей старой «Ладе» нечто непонятное. Нечто опасное. И самое страшное — это нечто совершенно не боится смерти, вылетающей ему в лобовое стекло на скорости девяносто километров в час.

— Руль отпусти, — спокойно сказала Анна, глядя на его побелевшие пальцы. — Костяшки сломаешь.

Макс вздрогнул, словно его ударили током, и поспешно разжал руки.

До самого города они больше не сказали ни слова. Макс вцепился в руль мертвой хваткой, следовал правилам дорожного движения с фанатичной точностью пенсионера и старался даже дышать тише. Анна смотрела в окно. Лес кончился. Начались бесконечные ряды серых гаражей, трубы заводов, окраины. Показались первые панельные девятиэтажки, увешанные кондиционерами и спутниковыми тарелками.

Обычный мир начинался здесь. Мир, в котором нужно учиться ходить заново.

Когда въехали в первый жилой квартал, Макс осторожно кашлянул. — Нам... куда? — спросил он, не поворачивая головы.

Анна достала из внутреннего кармана рубашки сложенный вчетверо тетрадный лист. Развернула его. Там был нарисован от руки план района и адрес: улица Строителей, дом сорок два, общежитие текстильной фабрики.

— Здесь останови, — сказала она, сворачивая карту обратно.

Макс притормозил у обочины возле автобусной остановки, расписанной граффити. Двигатель он глушить не стал, оставив работать на холостых оборотах. Щелчок тумблера поворота звучал в наступившей тишине как выстрел.

Анна открыла дверь. Горячий городской воздух ворвался в салон, неся запах асфальта, пыли и жареных пирожков из ближайшей палатки. Она выбралась наружу. Наклонилась, заглядывая в открытое окно.

Макс смотрел на нее снизу вверх. В его темных глазах больше не было привычного нахальства. Там плескалась смесь страха, уважения и какого-то детского недоумения.

— Спасибо, что подвез, — произнесла Анна.

Это были первые вежливые слова за всю поездку. Они прозвучали странно, механически, как фраза из учебника иностранного языка.

Макс часто заморгал. — Да не за что... Ангел. Береги себя. По таким дорогам пешком не ходят. Особенно такие красивые.

Он попытался вернуть себе прежний развязный тон, но получилось жалко и неуверенно.

Анна ничего не ответила. Она захлопнула старую, погнутую дверь. Замок щелкнул. Макс нажал на газ, и «Лада», выбросив клуб сизого дыма, сорвалась с места, спеша покинуть этот район, эту улицу и общество девушки, которая умеет управлять машиной лучше хозяина, но носит одежду бродяги.

Анна проводила взглядом красные огоньки удаляющихся задних фар. Затем поправила лямку тяжелого рюкзака, который снова всей тяжестью лег на ее плечи, развернулась и пошла к серому зданию общежития.

Тяжелая железная дверь подъезда была покрыта облупившейся зеленой краской. Анна взялась за холодную ручку. Оглянулась через плечо напоследок. Шоссе было пустым.

Она сделала глубокий вдох, задержала дыхание, пытаясь успокоить учатившийся пульс — реакция организма на экстремальный выброс адреналина, ничего более, — и шагнула внутрь. Первая дверь нового мира закрылась за ее спиной, отсекая рев моторов и звуки улицы. Начинался новый коридор.

Глава 2. Романтик с полевыми цветами

Железная дверь общежития пахла хлоркой, пережаренным луком и застарелой бедностью — тем самым специфическим запахом казенных учреждений, который не выветривается десятилетиями. Анна на мгновение замерла в тамбуре, давая глазам привыкнуть к тусклому желтоватому свету единственной уцелевшей лампочки под потолком. Лампочка нервно мигала, готовая погаснуть в любую секунду, погружая узкий коридор в густую, осязаемую темноту.

Вахтерши на месте не оказалось. Вместо нее из застекленной будки торчала приклеенная скотчем бумажка: «Ушла на базу. Ключи у комендантши. Третий этаж». Рядом стояла недопитая кружка чая, покрытая мутной пленкой, и лежал раскрытый бульварный роман с аляповатой обложкой, где мускулистый мужчина страстно обнимал полуобнаженную деву на фоне готического замка.

Анна скользнула взглядом по странице. Текст был написан рваным, истеричным языком людей, пытающихся продать страсть как товар. Она беззвучно усмехнулась уголком губ. В ее прошлой жизни страсти тоже продавались, но назывались они иначе — «психоэмоциональная нестабильность», «синдром дефицита эмпатии» или «пограничное состояние». За них давали нейролептики и сеансы электросудорожной терапии, а не глянцевого обложки.

Она бесшумно прошла мимо будки. Линолеум под ногами прилипал к подошвам тяжелых ботинок, издавая тихий чавкающий звук. Стены были выкрашены до середины в тошнотворный болотный цвет, выше шла облупившаяся побелка, испещренная следами от раздавленных тараканов. На подоконнике сохло несколько пластиковых стаканчиков из-под дешевого кофе «три в одном».

Лестница встретила ее гулким эхом. Каждый шаг отдавался в бетонном колодце подъезда глухим ударом. Анна поднималась медленно, считая пролеты не потому, что сбивалась, а чтобы синхронизировать дыхание. Рюкзак оттягивал плечи вниз, позвоночник ныл после долгой дороги и недавнего экстренного торможения в «Ладе». Мышцы требовали отдыха, но мозг работал холодно и четко, сканируя пространство на предмет угроз.

Третий этаж оказался точной копией второго, только запах жареного лука здесь смешивался с резким ароматом кошачьей мочи. Дверь под номером тридцать четыре была приоткрыта. Из-за нее доносился громкий голос телевизора — транслировали дневной выпуск новостей о росте цен на бензин и надвигающемся циклоне.

Комендантша оказалась женщиной необъятных размеров, облаченной в махровый халат цвета фуксии. Она сидела за шатающимся столом, заставленным банками с солеными огурцами, и энергично разговаривала по дисковому телефону, прижимая трубку плечом к уху. Одной рукой она размешивала ложечкой сахар в стакане, другой листала потрепанный журнал кроссвордов.

— Да говорю тебе, Клав, бери путевку! — кричала она в трубку, перекрывая шум сериала. — Анапа, сентябрь, бархатный сезон! Самое оно для суставов. Нет, я сказала, Турция твоя — это рассадник ротавируса... Кто? А, новенькая?

Анна остановилась в дверях, оставаясь в тени косяка. Комендантша наконец заметила ее боковым зрением. Не прерывая разговора с подружкой и не меняя интонации, она ткнула пухлым пальцем с облупившимся малиновым лаком в сторону стула: — Садись. Документы на стол. Жди.

Анна молча подошла ближе. Положила на край стола свою тонкую пластиковую папку.

— ...и берет он эту курицу за ляжку, представляешь! — продолжала вещать комендантша. — Прямо в ресторане! Ой, все, Клав, тут ко мне пришли. Государство плодит сирот, а нам разгребай... Щас, погоди.

Она бросила трубку на рычаги так, что жалобно звякнул старый аппарат. Обтерев руки о полы халата, женщина тяжело вздохнула, посмотрела на Анну поверх очков в роговой оправе и перевела взгляд на папку.

— Воронова? — буркнула она, даже не пытаясь скрыть раздражение от прерванного разговора. — Сирота казанская? Направление от собеса есть?

Анна кивнула.

— Ну давай сюда свое направление. И паспорт. Чего стоишь столбом? Сними рюкзак-то, спину сорвешь, потом на больничный уйдешь, кто мне комнаты мыть будет?

Анна проигнорировала последнюю фразу. Она расстегнула тугую пряжку верхнего клапана рюкзака, достала паспорт в картонной обложке и бланк направления.

Комендантша надела очки на самый кончик носа, взяла документы жирными пальцами и принялась изучать их с видом следователя прокуратуры. Она долго сверяла фотографию в паспорте с лицом Анны, щурясь и наклоняя голову то вправо, то влево.

— Что ж тебя так плохо снимают, милая? — хмыкнула она. — На карточке ты бледная, как спирохета, смотреть страшно. А живьем вроде ничего, крепкая. Хотя стрижка дурацкая. Женщина должна волосы носить, это ее главное оружие. Мужики сейчас падкие на гривы. Ладно...

Ее толстый палец с зажатой ручкой забегал по строчкам направления. — Так... койкоместо в комнате четыреста двенадцать. Соседок две. Одна нормальная, Ирка, швея со второй смены. Тихая, пьет только по выходным, да и то пиво. Вторая... — комендантша поморщилась, словно раскусила лимон. — Вторая — Маринка. Птица-говорун. Язык без костей, мозгов нет совсем. Если начнет про своих мужиков рассказывать — уши затыкай сразу, иди мой коридор. Или лучше вообще домой не приходи, пока она спит. Усекла?

Анна снова коротко кивнула. Разговаривать с этой женщиной было равносильно попытке наполнить водой решето. Информация лилась потоком, большая часть которой была мусором, но крупницы полезного оседали на дне сознания. Две соседки. Одна предсказуемая, вторая — источник шума. Шум демаскирует.

— Белье получишь в каптерке, — комендантша шлёпнула печать на временный пропуск. — Выдам сегодня казенное, серое. Хочешь нормальное — покупай сама. Полотенце одно вафельное. График дежурств по этажу на стенде. Сегодня пятница, значит, твой черед туалет драить через три дня. Швабра в подвале, красная такая, кривая. Если сломаешь — будешь платить. Вопросы есть?

Вопросов у Анны не было. Ее устраивало всё: скрипящая кровать, общий санузел в конце коридора, необходимость мыть туалеты. Это была идеальная среда для невидимки. Здесь никто не станет заглядывать тебе в глаза дольше двух секунд, проверять пульс по утрам или анализировать твои сны. Здесь можно просто существовать.

— Нет, — ответила она.

— Вот и славно, — комендантша протянула ей ключи на тяжелом деревянном брелоке с выжженным номером «412». — Топай. Третья дверь направо по коридору. Окна во двор, так что пьяные вопли под окнами слушать не будешь, зато будешь нюхать мусорные баки. Привыкай. Свобода стоит дорого, девочка. Особенно когда государство оплачивает счет.

Анна взяла ключи. Деревяшка была теплой и чуть липкой от чужого пота. Она спрятала их в карман джинсов, закинула рюкзак обратно на плечо и вышла из прокуренного кабинета.

Коридор третьего этажа встретил ее тишиной. Большинство жильцов еще были на работе. Только откуда-то издалека, наверное, с кухни, тянуло горелым подсолнечным маслом и слышалось мерное гудение холодильника.

Дверь четыреста двенадцать была обита потертым дерматином, из которого в нескольких местах торчал пожелтевший поролон, похожий на зубы старика. Замок щелкнул сухо и негромко.

Анна вошла внутрь. Запах чужой жизни ударил в лицо. Смесь дешевых духов, пыли и мокрой шерстяной кофты. Маленькая комната метров шестнадцати была плотно упакована чужими вещами. Три кровати, стоящие буквой «П». Между ними втиснуты три скрипучие тумбочки. Слева — платяной шкаф с покосившейся антресолюю. Справа — окно, завешанное куском тюля, пожелтевшего от времени и табачного дыма. Под окном стоял круглый стол, накрытый клеенкой в красную клетку. На столе громоздились электрическая плитка с одной работающей конфоркой, чайник и гора немытой посуды.

Анна сделала два шага вперед. Бросила рюкзак на пол возле свободной кровати — той, что стояла у стены, подальше от двери и окна. Самая безопасная позиция. Спина к стене, обзор на вход и на единственного человека в комнате.

Этим человеком была птица-говорун. Маринка лежала поперек своей кровати прямо в одежде, забросив ноги в грязных кроссовках на спинку. В ушах у нее торчали вакуумные наушники, провод от которых змеился к дешевому плееру на подушке. Она раскачивала головой в такт неслышимой музыке, жевала жвачку с открытым ртом и пускала пузыри. При появлении Анны она даже не открыла глаза.

Вторая соседка, Ирка, видимо, действительно была на смене. Постель заправлена армейским ровным одеялом, на тумбочке — стопка книг в мягких переплетах (любовные романы) и иконка Николая Чудотворца.

Анна села на край своей койки. Старые пружины протестующе взвизгнули. Она провела ладонью по матрасу. Он был тонким, бугристым и пах дезинфекцией. Поверх него лежало то самое казенное белье — жесткое, хрустящее, цвета застиранной половой тряпки.

Она просидела неподвижно минут десять. Просто слушала. Тиканье настенных часов с кукушкой (которая давно разучилась куковать). Храп Маринки, прорывающийся сквозь музыку. Гул машин за окном. Свой собственный пульс в висках. Организм переходил из режима «выживание» в режим «адаптация». Адреналиновый фон снижался, оставляя после себя свинцовую усталость.

Нужно было двигаться. Сидеть на одном месте больше часа — значит позволить мышцам закоренеть, а мыслям — начать рефлексировать. Рефлексия убивает быстрее пули.

Анна встала. Подошла к окну. Отодвинула грязный тюль костяшками пальцев. Во дворе-колодце росли три чахлые березы, окруженные детской площадкой с ржавыми качелями. Возле переполненных контейнеров деловито копались вороны. Обычный пейзаж обычного провинциального города. Никто не смотрел на ее окна. Никто не держал этот район под оптикой. Она была статистической единицей. Нулем в ведомости соцобеспечения.

Она отошла от окна. Открыла свой рюкзак. Первым делом достала томик Канта в мягкой обложке. Положила его на подушку. Затем — металлическую кружку, пачку чая и смену белья. Одежду нужно было постирать. Городская пыль уже начала въедаться в волокна фланели.

Снова взяв ключи, она вышла из комнаты. Коридорный туалет оказался таким же унылым, как и все остальное: кафельная плитка цвета венской плитки, трещины в затирке, один работающий кран на раковине и вечный запах сырости. Но зеркало над раковиной было большим, во весь рост.

Анна остановилась перед ним. На нее смотрела высокая, очень худая девушка. Узкие бедра, острые ключицы, выпирающие под тонкой тканью рубашки. Лицо бледное, почти бескровное — результат жизни под люминесцентными лампами лабораторий. Волосы, которые Макс назвал ангельскими, висели неровными прядями неопределенного русого цвета, стянутые аптечной резинкой в небрежный хвост. Никакой косметики. Губы сжаты в тонкую линию. Глаза... Именно глаза выдавали в ней ошибку системы. Они были слишком спокойными. В них не отражалось ни усталости долгого пути, ни радости обретенной свободы, ни страха перед будущим. Только серый лед и бесконечная глубина пустоты. Взгляд хирурга, смотрящего на операционное поле, а не живого человека, вернувшегося в мир.

Она моргнула. Отражение послушно повторило движение. Девушка в зеркале моргнула еще раз, чуть расслабила мышцы лица, позволив губам принять более естественное положение. Иллюзия человечности. Маска номер сорок семь. Для соседей сойдет.

Анна отвернулась от зеркала. Ей предстояло найти воду. И желательно еду. Деньги, выданные ей при выходе из «Синтеза-4», подходили к концу. Нужно было искать работу. Любую, не требующую документов глубже паспорта и не задающую лишних вопросов.

Спускаться обратно на первый этаж пришлось осторожно. Старая лестница предательски скрипела. Оказавшись внизу, Анна толкнула тяжелую входную дверь и вышла на улицу.

Улица Строителей плавилась в послеполуденном мареве. Асфальт дышал жаром. Солнце теперь светило прямо в лицо, слепя и заставляя щуриться. После прохлады общажного коридора уличный воздух казался густым и вязким, как сироп.

Она поправила лямку рюкзака и пошла вдоль дома, ориентируясь на шум главной дороги. Ей нужен был супермаркет эконом-класса, виденный ею еще из окна «Лады», или хотя бы ларек с холодной питьевой водой. Горло снова начало першить от пыли.

Дом заканчивался глухой торцевой стеной, покрытой граффити сомнительного художественного качества. Дальше начинался небольшой пустырь, заросший высоким сухим бурьяном и кустами дикой акации. Тропинка вела через него к продуктовому магазину с выцветшей вывеской «Продукты 24».

Анна ступила на тропинку. Высокая трава цеплялась за шнурки ботинок. Над головой лениво гудели жирные зеленые мухи. Пахло нагретой землей, горькой полынью и чем-то сладковато-гнилым — вероятно, где-то в траве валялся труп животного.

Она прошла половину пути через пустырь, когда услышала впереди треск веток. Резкий, неумелый. Кто-то шел навстречу, продираясь через кусты напролом, не разбирая дороги.

Инстинкты Анны сработали мгновенно. Она сошла с утоптанной тропы вправо, прячась за густой ствол старой акации, и замерла. Рука сама легла на клапан кармана, где мог лежать нож, но пальцы схватили лишь пустоту — холодное оружие осталось в камере хранения вокзала вместе с остальным запрещенным скарбом.

Треск усилился. На открытое пространство тропинки вылетел человек. Это был парень лет двадцати пяти. Высокий, нескладный, одетый в белую рубашку с коротким рукавом, которая вылезла из брюк и пузырилась на спине. Галстук болтался на шее развязанной петлей. Брюки явно были ему коротки, обнажая полоску незагорелой кожи над нелепыми остроносными туфлями. Пот тек по его лицу ручьями, заливая глаза, отчего он постоянно щурился и часто моргал. Вид у него был такой, словно он пробежал марафон в костюме офисного работника.

Парень остановился посреди тропинки, тяжело дыша и хватая ртом раскаленный воздух. Его грудь ходила ходуном. Заметив Анну, вышедшую из-за дерева, он вздрогнул, но тут же расплылся в широкой, какой-то отчаянной улыбке.

— Нашел! — выдохнул он, делая шаг к ней. — Господи, я вас нашел!

Анна осталась стоять под защитой акации. Она не сдвинулась ни на сантиметр, внимательно изучая вторженца. От него пахло дешевым парфюмом, одеколоном «Шипр» вперемешку с мятной жвачкой, и острым, кислым запахом паники. Паники не агрессивной, животной, а социальной — страха опоздать, сделать что-то не так, выглядеть глупо.

— Простите, ради бога, что напугал, — парень попытался пригладить влажные волосы дрожащей рукой, окончательно испортив прическу. — Я бегаю по всему району. Думал, упущу. Время — самый жестокий тиран, правда? Оглянуться не успел, а солнце уже садится.

Он говорил быстро, захлебываясь словами, словно боясь, что если сделает паузу, она исчезнет.

— Вы ведь та самая девушка? С трассы? Которая пешком идет? Я видел, как вы шли. Сначала думал — показалось. Мираж. Стоит такое видение посреди апокалипсиса, ветер пла-

тье треплет... У вас лицо светилось. Честно. Я даже руль бросил, чуть в столб не вписался. Потом очнулся, дал по газам, хотел догнать, поговорить, предложить помощь, но эти ямы... подвеску жалко стало, честное слово. Разворачиваться на мосту — гиблое дело, гаишники пасут. Решил ехать вперед, оставить машину у офиса и перехватить вас здесь. Я знал, что вы пойдете к жилью. Логистика проста. Интуиция старого охотника!

Пока он говорил эту сумбурную, горячую речь, Анна методично сканировала его. Одежда: куплена в сетевом магазине распродаж, сидит мешком. Обувь: модельные туфли, совершенно неподходящие для ходьбы по пересеченной местности, стертые на мысках — значит, много ходит по асфальту, работа «белый воротничок». Руки: гладкие, без мозолей, ногти аккуратно подстрижены, но под ногтями траурная кайма — моет посуду вручную, скорее всего, живет один или снимает комнату с плохими удобствами.

Но главным был букет. Огромный, неряшливый, размером с хорошую копну сена, который он судорожно сжимал в левой руке. Дикie полевые ромашки, колокольчики, какие-то желтые метелки сушеницы. Цветы были вырваны с корнями, длинные стебли перепачканы жирной землей, листья местами оборваны. Букет источал терпкий травянистый аромат, перебивающий даже запах его пота.

Парень заметил, куда направлен ее взгляд. Его лицо, и без того румяное от бега, вспыхнуло еще ярче. — Это вам! — провозгласил он торжественно, будто вручал государственную награду. — Собрал сам. Специально. Знаете, магазинные розы — это мертвые цветы. Их везут в рефрижераторах, убивают газом, они не пахнут жизнью. А эти... Эти живые. Я смотрю на вас и понимаю — вам нужны только живые вещи. Искренние. Настоящие.

И тут произошло нечто странное. Парень вдруг резко согнул колени и рухнул на одно колено прямо в дорожную пыль. Сухая трава царапнула его брюки, оставив зеленый след.

Анна инстинктивно напряглась. Позиция на одном колене открывала шею нападающего, но делала уязвимым самого наблюдателя. Это был классический жест подчинения или угрозы. В ее мире люди вставали на колени только перед комиссией по этике, вымаливая прощение за проваленную миссию.

— Я знаю, это выглядит безумно, — горячо зашептал парень снизу вверх, глядя на нее восторженными, собачьими глазами. — Мы знакомы пять минут. Вернее, я знаком с вашим образом. Но иногда секунды достаточно, чтобы понять — вот она. Моя судьба. Мой горизонт. Я бродил по жизни, как слепой котенок, тыкался носом в чужие углы, искал смысл в отчетах квартальной прибыли. А потом увидел вас. И понял: смысл — это способность видеть красоту там, где другие видят только грязь. Вы идете по обочине мира, и мир расступается перед вами.

Он протянул к ней свободную руку, но не пытался коснуться. — Меня зовут Лев. Как хищника, только доброго. Я работаю младшим аналитиком в конторе «СтройИнвестГрупп». Коплю на ипотеку. Жизнь скучная, признаю. Серая. Но клянусь богом, если вы скажете хоть слово... Одно единственное слово... Я брошу всё. Прямо сейчас. Оставлю галстук на этом чертовом пустыре, позвоню начальнику и скажу, что увольняюсь. Пойду за вами босиком до края земли. Я буду носить вас на руках. Я буду ловить каждое ваше дыхание. Весь мир ляжет пылью к вашим ногам, только... только посмотрите на меня. Признайте, что я существую.

Его голос дрогнул на последнем слове. Он выглядел абсолютно, пугающе искренним. Таким искренним может быть либо святой, либо клинический идиот, либо человек, принявший лошадиную дозу стимуляторов.

Анна молчала. Она смотрела на него сверху вниз, переводя взгляд с его мокрого, сияющего лица на огромный пучок сорняков в его руке.

Ромашки были сорваны здесь. На этом самом пустыре. Она видела точно такие же желтые сердцевинки в трех метрах слева от тропинки, когда пряталась за дерево. Земля на корнях была свежей, влажной — значит, он выдрал их буквально минуту назад, увидев ее фигуру на выходе из-за домов.

Весь этот полет души, вся эта готовность бросить ипотеку и карьеру младшего аналитика строились на десяти секундах наблюдения за уставшей девушкой с тяжелым рюкзаком. Ему не нужна была *она*. Ему нужен был образ. Идеальная, недостижимая муза, спустившаяся с небес на грешную землю улицы Строителей. Он влюбился не в Анну Воронову — закрытую систему с подавленной эмоциональной реакцией. Он влюбился в собственную романтическую иллюзию. В кино, которое крутилось у него в голове.

Эта мысль вызвала внутри не гнев и не страх. Вызвала скуку. Тяжелую, всепоглощающую скуку, приправленную легким оттенком брезгливости. Очередной претендент на спасение. Очередной донор эмоций, ищущий, куда бы их слить.

Лев воспринял ее молчание по-своему. Его глаза заблестели еще сильнее, готовые истечь слезами экзальтации. — Вы испытываете меня, — прошептал он благоговейно. — Проверяете глубину моего чувства. Я выдержу. Я могу стоять так вечно. Неделью. Год. Пока вы не смягчитесь. Говорят, ваша порода женщин любит стойкость.

Анна перевела взгляд на свои тяжелые армейские ботинки. Толстая рифленая подошва стояла в сантиметрах от его выставленного колена. Один короткий шаг вперед — и хрящ коленной чашечки превратится в кашу. Эффективно, тихо, обратимо только хирургически. Но привлекать внимание полиции сломанной конечностью в первый же день выхода в город было стратегически неверно.

Она сделала ровно полшага в сторону, обходя его по дуге. Обходя его фигуру, букет, распростертое в пыли тело и всю эту сцену дешевой мелодрамы.

Лев этого не ожидал. Его монолог предполагал паузу. Драматическое противостояние взглядов. Возможно, падение девушки в его объятия. Но никак не то, что объект поклонения просто переступит через него, как через поваленное бревно.

— Куда вы? — растерянно спросил он, поворачивая голову вслед. Голос потерял свою трубную торжественность, став обычным, немного обиженным голосом молодого парня. — Я же объясняю... Я серьезен!

Анна остановилась. Медленно повернула голову. Посмотрела на него своим фирменным пустым взглядом, от которого полчаса назад скис блондин Макс.

— Усилия, — произнесла она. Слово прозвучало глухо, но в абсолютной тишине пустыря оно ударило, как камень. — Ты не приложил усилий.

Лев заморгал, не понимая смысла фразы. — Что? О чем вы? Я бежал! Я упал! Я собрал лучшие цветы во всем районе! Посмотрите, какая композиция! Тут гамма золотого сечения соблюдена!

Анна едва заметно качнула головой. — Ты нарвал их здесь. Сорвал зубами стебли, чтобы успеть, пока я не ушла. Запыхался, потому что трусцой обогнул квартал. Купил дешевый одеклон утром, чтобы заглушить запах одиночества в своей съемной квартире. Ты потратил двадцать минут своего обеденного перерыва. Это не жертва. Это импульсивная покупка внимания.

Она говорила монотонно, перечисляя факты, как протокол осмотра места происшествия. Каждое слово было точным диагнозом его романтизма. — Цветы должны стоить дорого. Не деньгами. Временем. Мужчина должен лезть через забор частного сада в три часа ночи, рискуя получить заряд соли в ягодицу от сторожа. Или ехать сорок километров в лес, зная, что единственный редкий сорт растет на болоте, среди гадюк. Или выращивать их год на подоконнике, поливая слезами, потому что у него аллергия на латекс перчаток. То, что дается даром, не имеет ценности. Ты предлагаешь мне пыль.

Лев сидел на земле с открытым ртом. Букет в его руках начал ощутимо никнуть под палящим солнцем. Белые лепестки желтели на глазах.

— Но... любовь не измеряется ценой забора, — пролепетал он, цепляясь за остатки своей возвышенной картины мира. — Любовь — это порыв! Это душа! Я отдал вам порыв всей моей души!

— Твоя душа пахнет «Шипром» и страхом перед начальником отдела, — отрезала Анна. — Встань. Ты простудишь простату. И почисти брюки, на штанине слизняк.

Она развернулась полностью и пошла дальше по тропинке, не оглядываясь. Шла спокойно, размеренно, позволяя лопаткам расслабиться. Она слышала за спиной возню, шуршание травы и тяжелый, разочарованный вздох.

— Психопатка, — долетел до нее тихий, злой шепот Льва, когда она уже почти дошла до конца пустыря. — Снежная королева. Тебе лечиться надо.

Обычная реакция обманутого ребенка, у которого отобрали игрушку. Сначала обожание, потом агрессия. Стандартный цикл привязанности.

Анна вышла на асфальтированную дорожку, ведущую к черному ходу супермаркета. Звук изменился — каблуки туфель Льва дробно застучали сзади. Он пошел параллельным курсом, по тротуару, очевидно, надеясь на последний диалог. Или просто отказываясь верить, что спектакль окончен.

Они шли так минуты две. Параллельные прямые, которые никогда не пересекутся. Лев сопел, пыхтел, пару раз открывал рот, чтобы что-то сказать, но встречал холодный профиль Анны и снова закрывал его. Наконец он не выдержал. Догнал ее быстрым шагом и преградил путь, растопырив руки.

— Хорошо! — выпалил он, тяжело дыша. — Хорошо, будь по-вашему! Вы хотите доказательства? Хотите крови? Ха! Получайте!

Он театральным жестом отбросил в сторону злосчастный букет. Ромашки рассыпались по асфальту жалкой грудой мусора. — К черту флористику! — орал он, привлекая внимание редких прохожих. — К черту материальное! Я сказал, что брошу мир к вашим ногам? Я сделаю это!

Он вдруг схватился за узел своего галстука. Дорогой, шелковый, в синюю диагональную полоску. — Символ корпоративного рабства! Символ моей клетки!

Одним резким движением он рванул ткань. Послышался сухой треск лопающихся нитей. Галстук остался у него в кулаке. Толстая женщина с авоськой, проходившая мимо, перекрестилась и ускорила шаг. Двое подростков на лавочке заржали в голос.

— Лев, бухгалтер, уволен! — прокричал парень в небо. — Слышите?! Свободен! Теперь между мной и вечностью нет преград! Кроме вашей холодности! Но лед тает, верно? Лед всегда тает перед истинным пламенем!

Он сделал шаг к ней, раскрывая объятия. Рубашка топорщилась на животе, галстук волочился по земле, как дохлая змея.

Анна посмотрела на него. Затем на разбитые вдребезги модельные туфли, которые уже начали окрашиваться кровью на больших пальцах — последствия бега по пустырю. На пятна пота под мышками белой рубашки. На счастливый, абсолютно невменяемый оскал.

Она не стала ждать продолжения. Не стала вступать в полемику. Молчание в данном случае могло быть расценено как поощрение или приглашение к физическому контакту.

Анна сделала быстрый, скользящий шаг влево, уходя с линии его атаки. Ее плечо слегка задело его грудь — легкий, почти дружеский толчок. Для обычного человека это значило бы просто потерю равновесия. Но Анна вложила в это касание точный вектор силы, используя инерцию собственного тела и вес рюкзака как противовес.

Лев, находившийся в состоянии аффекта и стоявший на ослабевших от бега ногах, не смог компенсировать смещение центра тяжести. Он нелепо взмахнул руками, зацепился собственным развязанным шнурком за бордюрный камень и с громким, совсем не героическим криком «Ой-блять!» рухнул в придорожную канаву, полную горячего песка и окурков.

Он приземлился крайне неудачно. Прямо на тот самый огромный букет ромашек, который выбросил секундой ранее. Сухие стебли спружинили, и Лев уткнулся лицом в мягкую, но колючую массу цветов и земли.

Наступила тишина, нарушаемая только писком покрышек на трассе и возмущенным кудахтаньем тетки с авоськой, которая теперь снимала происходящее на кнопочный телефон.

Анна стояла на краю тротуара. Она посмотрела на беспомощно барахтающегося в канаве парня. Его дорогой галстук обмотался вокруг ноги, превратившись в удавку. Белая рубашка на спине лопнула по шву. Из носа текла кровь — следствие удара о твердую землю.

Он поднял голову. По его подбородку размазалась земля пополам с зеленью. В глазах стояли настоящие, крупные слезы боли и унижения.

— За что? — сипло спросил он. — Я же... я же душу открыл...

Анна наклонилась. Наклоняться к поверженному противнику — грубейшая ошибка. Но ей нужно было, чтобы он услышал. Чтобы слова отпечатались в его воспаленном сознании и навсегда отбили желание играть в рыцарей.

— Ты хочешь бросить мир к моим ногам? — тихо спросила она. Ее голос звучал ровно, но перекрыл шум улицы. — Зачем мне твой мир, Лев? Он состоит из ипотеки, начальника-самодура и синтетических волокон этой рубашки. Мне некуда класть твой мир. У меня есть только рюкзак. Там место занято Кантом и сменой белья.

Она выпрямилась. Поправила лямку на плече. — Цветы растут везде. Даже в грязи у теплотрассы. Это не подвиг — их сорвать. Подвиг — вырастить сад там, где ничего не растет годами. Возвращайся в свой «СтройИнвестГрупп», Лев. Приклей галстук на клей-момент. Помой туфли. И полей фикус на окне. Это потребует большего усилия, чем бегать за незнакомками по пустырям.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла прочь. Спиной она чувствовала его полный немой ужас и обожания взгляд. Он принял ее отказ за высшее испытание. Он наверняка решил, что она проверяет его на прочность духа, и завтра явится с новым, еще более безумным поступком.

Анна прибавила шаг. Ей срочно нужна была вода. Холодная, дешевая, без газа. И антисептик. День обещал быть длинным, а количество городских сумасшедших на квадратный метр превышало допустимые нормы биологической безопасности.

Возле входа в супермаркет, прислонившись к тележковому парку, стоял охранник — грузный мужчина в черной форме, с дубинкой на поясе. Он лениво жевал хот-дог, наблюдая за улицей. Когда Анна проходила мимо, он смерил ее оценивающим взглядом — от грязных ботинок до растрепанных волос — и презрительно сплюнул на асфальт семечковую шелуху.

Она проигнорировала его, как игнорировала ревущего в канаве Льва. Охранник был частью ландшафта. Функциональный элемент архитектуры торгового центра. Такие люди существуют для поддержания порядка, а порядок Анны Вороновой находился глубоко внутри ее черепной коробки, куда никому не было доступа.

Она толкнула тяжелую стеклянную автоматическую дверь. Прохлада кондиционера обрушилась на нее приятной волной. Механический женский голос сверху вежливо сообщил: «Добро пожаловать».

Звук захлопнувшейся за спиной двери отсекал рев моторов, крики неудачливых романтиков и запах городской гари. Впереди простирались ярко освещенные ряды с товарами первой необходимости. Начиналась новая жизнь, состоящая из выбора самой дешевой лапши быстрого приготовления и поиска работы в разделе «Требуются» бесплатной газеты объявлений.

Глава 3. Владелец черного БМВ

Кондиционированный холод супермаркета «Пятерочка» был стерильным и безжизненным, как прозекторская. Он не освежал — он вымораживал запахи, звуки и саму суть человеческого присутствия, превращая покупателей в молчаливые тени, скользящие между стеллажами с одинаковыми желтыми ценниками. Анна остановилась сразу за входной рамкой, пропуская спешащую семью с переполненной тележкой.

Механический голос сверху снова произнес: «Пожалуйста, проходите». Для Анны это прозвучало как команда системы безопасности: «Объект идентифицирован. Угрозы не представляет. Допуск разрешен».

Она сняла рюкзак. Тяжелая брезентовая туша глухо стукнулась о начищенный до блеска кафель. Плечи отозвались тупой благодарностью. Оставлять вещи без присмотра было нарушением базового протокола выживания, но тащить этот якорь между рядами с молоком означало привлечь к себе внимание больше, чем если бы она шла по магазину голой. Она задвинула рюкзак под нижнюю полку с туалетной бумагой. С этого ракурса его надежно скрывали ряды желтых упаковок, а подойти незаметно сзади мешала стена.

Теперь нужно было слиться с фоном. Анна расстегнула верхние пуговицы выцветшей фланелевой рубашки, обнажая край простой белой майки. Затем она подошла к полке со средствами для волос, взяла первую попавшуюся пластиковую корзинку и сунула в нее валявшийся там же бесплатный каталог акционных товаров. Человек с корзинкой и списком покупок — самый невидимый человек в мире потребления. У него есть цель. Его траектория предсказуема. На него смотрят только чтобы уступить дорогу.

Она двинулась вдоль рядов. Ее глаза сканировали пространство поверх голов, считывая логику зала. Хлеб и молоко всегда в самом дальнем углу — чтобы заставить пройти мимо шоколадок и алкоголя. Овощи у входа — чтобы создать иллюзию свежести и здорового питания. Охранник переместился от дверей к камерам наблюдения над кассами. Левый глаз дергался — нервный тик или профессиональное выгорание. Не опасен, пока не спровоцирован на агрессию.

Анна свернула в отдел напитков. Ей нужна была вода. Дешевая, в больших пластиковых баклажках по пять литров. Организм требовал восполнения электролитов после пешего марша и стресса. Но рука сама потянулась к стеклянным бутылкам.

Она стояла перед холодильником, глядя на свое отражение в темном стекле. Лицо казалось еще более осунувшимся. Под глазами залегли серые тени. Холод подсветки делал кожу похожей на мрамор. Рядом с ее отражением плыли бутылки дорогого лимонада. Цена за одну такую емкость равнялась стоимости целого блока дешевого чая, который остался в ее рюкзаке.

Разница между ней и этим миром сейчас измерялась не социальным статусом — бумажка в паспорте делала их формально равными. Разница измерялась стоимостью пузырьков углекислого газа в крашеной воде.

— Девушка, вам помочь? Голос раздался прямо за спиной. Низкий, бархатный, с легкой хрипотцой человека, который много говорит по телефону и мало спит. Голос обволакивал, заполнял собой пространство между стеллажами, вытесняя гул холодильников.

Анна не вздрогнула. Рефлекс внезапного появления чужака за спиной наткнулся на стену абсолютного контроля. Она медленно повернула голову.

Он стоял слишком близко. Нарушал зону личного комфорта так нагло и естественно, словно эта зона принадлежала ему по праву рождения. Высокий. Широкие плечи идеально сидели на темно-синем кашемировом свитере, небрежно накинутом поверх белоснежной футболки. От него пахло дорогой кожей салона, морозной свежестью жевательной резинки и слож-

ным, древесно-табачным парфюмом, стоимость которого превышала месячное пособие всей общаги.

Но главным был контраст. На фоне уставших лиц местных работяг, покупающих дешевое пиво в пластике, этот мужчина выглядел инородным телом. Ошибкой матрицы. Аватаром из другого измерения, случайно прорисованным в низкополигональном мире улицы Строителей.

Его лицо было красивым той хищной, ухоженной красотой, которую дают деньги и хорошие стоматологи. Четкая линия челюсти, легкая щетина, которая стоила дороже, чем вся стрижка Анны за последние три года, и глаза цвета выдержанного виски. Они смотрели на нее не с любопытством Макса и не с экзальтированным обожанием Льва. Они препарировали ее. Спокойно, деловито, с профессиональным интересом коллекционера, нашедшего редкую бабочку среди капустных листьев.

— Вы долго смотрите на воду, — сказал он, мягко улыбаясь. Уголки его губ поднялись ровно настолько, чтобы показать идеальные зубы, но не затронуть глаз. Глаза оставались холодными. — Это плохая примета. Говорят, можно высмотреть утопленника. Хотя... — он окинул взглядом ее ботинки и пыльные джинсы. — Тонуть в болоте обыденности иногда страшнее, чем в океане.

Анна перевела взгляд с его лица на руку. На запястье поблескивали массивные золотые часы. Механика с открытым механизмом. Такие стоят как неплохой подержанный автомобиль. Пальцы длинные, чистые, без мозолей. Ногти коротко острижены, кутикула обработана. Руки человека, который никогда не держал ничего тяжелее банковской карты и рулевого колеса с подогревом.

— Вам какую достать? — спросил он, кивнув на холодильник. — San Benedetto? Voss? Perrier?

Он говорил названия брендов так, будто перечислял имена старых друзей.

Анна молчала. Она смотрела на него, анализируя микроспазмы лицевых мышц. Искусственный загар нанесен недавно, неравномерно на шее — перелет был длительным, маску для сна он явно не носит. Усталость копится в области вокруг глаз, но маскируется отличным консилером. Мужчина живет в джетлаге, пересекает часовые пояса чаще, чем меняет носки.

— Я могу избавить вас от мук выбора, — продолжил он, делая полшага вперед. Теперь их разделяли лишь ручки холодильника. Воздух стал густым от запаха его парфюма. — Если вы направляетесь в сторону касс, нам по пути. Позвольте мне избавить ваши руки от тяжести пластика. Стекло экологичнее. И вкус воды совершенно иной, когда тара не выделяет микропластик при охлаждении. Физика седьмого класса, кажется.

Он протянул руку мимо нее к дверце холодильника. Легкое движение плеча — и он оказался вплотную. Тепло его тела сквозь тонкую ткань рубашки ощущалось физически.

Анна сделала шаг назад. Выход из зоны захвата. Стандартное уклонение.

Мужчина удивленно приподнял бровь, но бутылку все-таки достал. Зеленое толстое стекло захрустело в его пальцах. Он повертел ее, рассматривая этикетку, затем перевел взгляд на Анну.

— Меня зовут Артур, — представился он. Никакой театральности Льва, никакой панибратской развязности Макса. Просто констатация факта. — Артур Вольнов. И я абсолютно точно знаю, куда вы идете.

Сердце Анны пропустило один удар. Не от страха. От мгновенного выброса кортизола. Мозг просчитывал варианты: утечка данных из «Синтеза-4»? Куратор пришел закончить начатое? Случайная встреча исключена математически — вероятность встретить знакомое лицо в городе-миллионнике ничтожна, встретить здесь *этого* конкретного человека равна нулю.

Артур усмехнулся, видимо, прочитав что-то в изменении ее зрачков. — Расслабьтесь. Я не работаю на ваших бывших работодателей. По крайней мере, не сегодня. Я просто живу в доме напротив вашего общежития. Пентхаус. Двадцать четвертый этаж. Вид открывается

чудесный, особенно на крыши сараев и трубы котельной. Из моего окна ваша комната четыреста двенадцать видна как на ладони. Я видел, как вы входили. Заметил интересную походку. Так ходят люди, которые привыкли считать шаги до укрытия. Или те, кто очень давно носил удобную обувь вместо этих деревянных колодок.

Он опустил взгляд на ее армейские ботинки. — Кстати, они натирают правую пятку. Шнуровка затянута асимметрично. Советую перешнуровать, иначе заработаете плантарный фасциит. Боль отвратительная, лишает мобильности.

Откуда он знает про ее комнату? Двадцать четвертый этаж действительно нависал над пятиэтажками района, но расстояние было приличным. Бинобль? Оптика высокого разрешения? Или камеры наружного наблюдения, подключенные к частной сети? Богатые параноики любят подглядывать за бедными соседями. Это дает им чувство власти над хаосом жизни.

— Вода стоит двести сорок рублей, — ровным голосом сказала Анна. — У меня нет таких денег.

Это была ложь. Деньги были. Ровно восемьсот тридцать два рубля мелкими купюрами, спрятанными в потайном шве подкладки рюкзака. Но тратить ресурс на покупку статуса было тактической ошибкой.

Артур тихо рассмеялся. Смех звучал искренне, но в нем не было радости. Только снисходительность взрослого к ребенку, сказавшему глупость. — Милая моя, дело не в деньгах. Дело в доступе. Вы пытаетесь играть по правилам магазина, стоя посреди игрового поля, которое я спроектировал. Эти цены, эти полки, этот охранник с дергающимся глазом — всё это часть экосистемы. Хотите воды? Пойдемте.

Он не спрашивал. Он констатировал. Положив бутылку обратно на полку — бесшумно, аккуратно, — он развернулся и пошел в сторону касс. Шел он неспешно, уверенно, зная, что пространство расступается перед ним.

Анна осталась стоять. Инстинкты кричали: «Уходи. Ликвидируй контакт. Через черный ход. Сейчас». Но любопытство аналитика оказалось сильнее инстинкта зверя. Этот человек знал номер ее комнаты. Он читал ее биомеханику. Он появился именно тогда, когда она вошла в систему (супермаркет) после столкновения с двумя предыдущими типажми социума. Это не могло быть совпадением. Это паттерн. А паттерны требуют расшифровки.

Она пошла за ним. Держась на дистанции семи метров — достаточно далеко, чтобы успеть раствориться в толпе, достаточно близко, чтобы слышать каждое слово.

Артур подошел к экспресс-кассе, где скопилась очередь из пяти человек с битком набитыми корзинками. Пенсионеры спорили из-за скидки на сахар, женщина ругала ребенка, рассыпавшего чипсы. Очередь двигалась со скоростью замерзающей смолы.

Артур даже не замедлил шага. Он обогнул очередь, прошел через закрытый турникет «Проход запрещен» и остановился у кассы самообслуживания. Приложил телефон к терминалу. Короткий звуковой сигнал. Оплата прошла.

Он взял пакет, который услужливо подал ему администратор зала, вышедший из подсобки, положил туда свою зеленую бутылку и направился к выходу. Ни одного лишнего движения. Абсолютная эффективность.

Анна встала у стойки с журналами, наблюдая. Люди в очереди проводили Артура ненавидящими взглядами, но никто не посмел возмутиться. Элита умеет проходить сквозь стены не потому, что нарушает правила, а потому, что правила написаны ими для тех, кто стоит в очередях.

На улице вечерний жар накрыл город тяжелым одеялом. Солнце садилось за панельными девятиэтажками, окрашивая небо в болезненно-багровый цвет. Запахло раскаленным асфальтом и готовящимся дождем.

Артур ждал ее возле своей машины. Черный BMW X7 последней модели занимал полтора парковочных места. Огромный, глянцевый, идеальный кусок агрессивного металла.

Машина стояла носом к выезду, двигатель работал почти беззвучно — лишь едва ощутимая вибрация пола выдавала присутствие восьми цилиндров под капотом. Тонировка «в ноль», диски с алмазной проточкой. Автомобиль, который не просит пропустить его на дороге. Он сообщает, что дорога принадлежит ему.

Артур опирался локтем о крышу водительской двери. В закатном свете его силуэт казался вырезанным из черной бумаги. Золотые часы поймали луч солнца и вспыхнули, как маяк.

— Знаете, почему вы пошли за мной? — спросил он, когда Анна поравнялась с машиной. Он не открыл ей дверь. Просто смотрел сверху вниз, чуть склонив голову. — Потому что Макс предложил вам скорость, но напугал своим отчаянием. Лев предложил душу, но вызвал рвотный рефлекс своей фальшью. А я предлагаю комфорт. Эффективность. Отсутствие трения. Вы устали бороться с дверями, очередями и собственной усталостью. Садитесь. Внутри работает климат-контроль на двадцати двух градусах. Играет джаз. Никто не орет вам в спину.

Он говорил правду. Кондиционер в магазине высушил слизистую, ноги гудели, лямка рюкзака врезалась в ключицу. Идея оказаться в тишине и прохладе была соблазнительна до физической боли.

— Куда мы поедem? — спросила Анна. Это был первый вопрос, который она задала ему. Голос прозвучал хрипло — она редко пользовалась связками.

Артур улыбнулся уголком рта. Эта улыбка ей уже начинала надоедать. Улыбка человека, который знает финал пьесы, пока остальные читают ремарки. — Ужинать. В «Сибирь Сибирь». Или в «Белуга», если хочется икры. Или можем улететь в Питер, рейс через два часа. Там отличная белая ночь и отель с видом на Исаакиевский собор. Решайте быстрее, у меня забронирован столик везде, но шеф-повар во втором месте обидчив, не любит ждать.

Он говорил о перемещении континентов так, будто предлагал выбор между чаем и кофе.

Анна посмотрела сквозь тонированное стекло внутрь салона. Светло-серая кожа сидений. Сенсорный экран размером с планшет. Деревянные вставки, теплые на ощупь. Стерильная роскошь, в которой невозможно испачкаться.

— Почему вы здесь? — повторила она свой предыдущий вопрос, уточнив контекст. — Что вам нужно от девочки в грязных ботинках?

Артур перестал улыбаться. Достал из кармана брюк серебряную зажигалку, крутанул колесико. Вспыхнул маленький синий огонек. Он не закуривал, просто смотрел на пламя. — Мне скучно, — сказал он наконец. — Это самая страшная болезнь богатых людей, Анна. Передается воздушно-капельным путем вместе с первыми миллионами. Все эмоции становятся синтетическими. Экстрим — заказной. Любовь — контрактной. Страх страхуют в Lloyds of London. Вы — аномалия. Черный лебедь в пруду с золотыми рыбками. Вы прошли через мой фильтр внимания. Макс фильтруется по уровню тестостерона, Лев — по уровню идиотизма. Вы... вы вообще не оставляете следов. Кроме того, ваш файл довольно забавен. Закрытый город, отсутствие родственников, IQ выше, чем у министра образования. Зачем такая девушка идет пешком пить чай из железной кружки, когда может лететь частным джетом?

Кровь отлила от лица Анны. — Мой файл, — повторила она эхом.

— Ой, ради бога, не делайте такое лицо, — поморщился Артур, щелчком закрывая зажигалку. — Мы живем в прозрачном мире. Камеры на дорогах, данные биллинга сотовых операторов, транзакции по вашей социальной карте, покупка билета на электричку... Собрать пазл несложно, если знать, какие фрагменты искать. Ваша директриса в «Синтезе» оказалась большой любительницей игры в покер онлайн. Проиграла немного больше, чем могла покрыть. Пришлось поговорить. Информация нынче дешевле бутилированной воды, если покупать оптом.

Он обошел машину. Оказался рядом с ней. Близко. Слишком близко. — Я знаю, кто ты, — прошептал он, наклоняясь к ее уху. От него пахло деньгами и властью. — Ты — незакрытый проект. Экспериментальный образец с отключенными предохранителями. Тебе дали сво-

боду, но забыли дать инструкцию. Ты бродишь по обочине, потому что боишься выезжать на скоростную магистраль. Боишься, что тебя либо переедут, либо заставят платить за проезд. Садись в мою машину. Я дам тебе платиновую карту. Дам защиту. Дам доступ ко всему, что ты хочешь изучить. Взамен я хочу лишь одного.

Он сделал паузу. Пауза звенела громче визга тормозов. — Чтобы тебе стало интересно. Посмотри на мир моими глазами. Это увлекательнее любого Канта.

Его правая рука метнулась к ней. Не угрожающе. Почти нежно. Он коснулся пряди ее волос, выбившейся из-под аптечной резинки. Провел пальцем до самого кончика. Прикосновение было сухим, теплым и обладало невероятной плотностью смысла. Это был жест собственника. Мужчины, привыкшего брать всё, до чего могут дотянуться его пальцы. Проверка границ.

Анна не шелохнулась. Она позволила ему коснуться волос. Стояла неподвижно, как манекен, только зрачки расширились, поглощая остатки света.

— Интерес — это валюта дефицита, Артур, — сказала она так же тихо. — Когда его раздают бесплатно, он обесценивается.

Ее левая рука плавно, со скоростью ползущей змеи, перехватила его запястье. Хват был мягким, но суставы Артура мгновенно оказались зафиксированы в положении рычага. Одно минимальное усилие Анны — и лучевая кость хрустнет, превратившись в две бесполезные палочки. Профессиональный блокатор кровотока и нервных окончаний.

Артур замер. Его виски покрылись испариной. Маска вселенской скуки впервые дала трещину, обнажив чистое, незамутненное удивление. Он не ожидал сопротивления. Тем более такого — тихого, анатомически безупречного.

— Ваши рефлексы хороши для качка из охраны, — продолжила Анна, не ослабляя хват. — Но против подготовленного противника вы открыты в трех точках. Печень, сонная артерия и колено. Я могу убить вас прямо сейчас. Прямо здесь, на парковке супермаркета «Пятерочка», под пикающий звук парктроника мусороуборочной машины. Забавно, правда? Смерть империи ценой в миллиард долларов от рук девчонки в секунд-хенде.

Она отпустила его руку так же внезапно, как схватила. Сделала шаг назад. Границы восстановлены.

Артур потряс кистью. Кровообращение возвращалось, вызывая тысячи иголок под кожей. Он посмотрел на свои пальцы, потом на Анну. В его глазах разгорался огонь исследователя. — Прекрасно, — выдохнул он. — Просто великолепно. Где они учили тебя ломать руки? В лаборатории? Или папа был военным?

— Папа был донором спермы, — отрезала Анна. — Мама — суррогатной матерью. Меня собрали по государственному заказу. Приятного аппетита, Артур. Передайте привет шеф-повару.

Она развернулась. На этот раз она не просто пошла прочь. Она изменила походку. Исчезла тяжесть. Плечи расправились. Шаг стал широким, пружинистым, экономичным. Так ходит хищник, знающий, что за ним следят, и демонстрирующий полную уверенность в своих силах.

Артур оперся о капот своего монстра, провожая ее взглядом. Впервые за долгие годы кто-то ушел от него сам. Не потому, что он позволил, а потому, что посчитал его предложение недостаточно выгодным.

— Ты совершаешь ошибку! — крикнул он ей вслед. Голос сорвался на высокой ноте, потеряв часть своего бархатного лоска. — Думаешь, твоя свобода в этом рюкзаке? В этой вони казенных стен? Свобода — это возможность выбирать любую клетку! У тебя нет выбора! Ты будешь жить в моей клетке, потому что другие тебя сожрут и выплюнут кости!

Анна не обернулась. Она вышла за пределы освещенного круга парковки, ступая в синие городские сумерки. Визг тормозов разорвал воздух позади нее.

Резкий, оглушительный, животный звук горящей резины об асфальт. BMW рванул с места. Не плавно покатился, как положено машине представительского класса, а прыгнул вперед, как атакующий зверь. Задние колеса провернулись, оставляя черные полосы на новеньком тротуаре. Система стабилизации душила мотор ревом, но машина стремительно сокращала дистанцию.

Артур не пытался ехать параллельно. Он вылетел на проезжую часть, перегородив тротуар впереди. Блокировка пути отхода. Классическая тактика загонщика.

Скрип тормозов. Водительская дверь распахнулась. Артур вышел на дорогу. Галстук сбился набок, волосы растрепались. Он тяжело дышал. Адреналин смыли с него налет цивилизованности, оставив только первобытную ярость охотника, упустившего добычу.

— Ты думаешь, ты особенная?! — заорал он на всю улицу, перекрывая шум вечерних машин. — Ты больная! Ты дефектная! Тебе нужен хороший психиатр и курс транквилизаторов! Мир не крутится вокруг твоих гребаных метафор!

Он пошел к ней навстречу, размахивая руками. Прохожие начали останавливаться, доставая телефоны. Скандал богатого парня с бомжующей девицей — отличный контент для соцсетей.

Анна остановилась. Медленно, очень медленно она подняла руку. Не в защитном жесте. Она указала пальцем на его машину. Потом перевела палец на него. И наконец ткнула им в землю — на ту самую черную полосу, оставленную покрышками при старте.

— След, — громко и четко сказала она, чтобы слышали все вокруг. — Ты наследил, Артур. На муниципальном имуществе. Штраф. Плюс порча покрытия. Плюс вождение в состоянии эмоциональной нестабильности. Камеры мэрии пишут в Full HD. Доброй ночи.

Она отвернулась от него окончательно. Перешагнула через бордюр и скрылась в арке жилого дома, ведущего сквозным проходом вглубь квартала.

Позади взревел мотор. Артур, осознав публичный провал своей демонстрации силы, швырнул недопитую бутылку минеральной воды в урну (промахнулся, стекло разбилось о плитку), заскочил в салон и дал по газам. Черный БМВ пулей вылетел на проспект, нарушая сразу десяток правил ПДД, и исчез в потоке красных стоп-сигналов.

Анна шла через темные дворы-колодцы. Здесь пахло кошками, сыростью из подвалов и вареной картошкой. Небо над головой превратилось в узкую фиолетовую полосу между крышами.

Она проанализировала встречу. Макс — стихия, случайный фактор, угроза низкой степени вероятности. Управляется игнорированием. Лев — социальный шум, эмоциональный паразит. Управляется физическим дистанцированием и демонстрацией превосходства. Артур — системная угроза. Ресурсный, информированный, обладающий властью. Самый опасный тип. Он не хочет ее тела (хотя не отказался бы). Он не хочет ее любви. Он хочет владеть ее аномалией. Поставить на полку рядом с другими экспонатами.

Если Макс подобрал ее на трассе, а Лев ждал на пустыре, значит, маршрут «Общага — Супермаркет» является стандартной траекторией пешехода. Артур вычислил эту траекторию и выставил засаду.

Значит, следующий шаг должен быть нестандартным. Хаотичным.

Она вышла из дворов на параллельную улицу. Район здесь был еще беднее. Старый фонд с облупившейся лепниной. Вместо сетевых супермаркетов — маленькие лавочки с решетками на окнах. Над одной из них горела красная неоновая вывеска: «ПРОДУКТЫ. ВИНО-ВОДКА».

Анна толкнула звякнувшую колокольчиком дверь. Внутри пахло спиртом, соленой рыбой и мокрым картоном. Помещение было крошечным — четыре на пять шагов. За прилавком стояла монументальная продавщица в несвежем белом халате, с выражением вечной мировой скорби на лице.

— Чего? — буркнула она, не отрываясь от экрана старенького кнопочного телефона.

Анна подошла к витрине-холодильнику. Достала оттуда самую дешевую бутылку питьевой воды без газа. Полтора литра. Пластиковая, мнущаяся в руках. Затем она прошла к кассе. Поставила бутылку на прилавок.

Продавщица лениво мазнула по ней взглядом. — Сорок пять рублей.

Анна выложила мятую сторублевую купюру. Женщина тяжело вздохнула, словно пересчет сдачи был сложнейшей философской задачей. Попыталась найти мелочь в ящике, не нашла, выдала сдачу десятирублевыми монетами. Монеты падали на пластиковый лоток с глухим звоном.

Анна сгрэбла сдачу. Сунула бутылку в боковой карман рюкзака, откуда предварительно вытащила томик Канта.

— Пакет нужен? — мертвым голосом спросила продавщица.

— Нет.

Дверь снова звякнула. Анна вышла на улицу. Она сделала десять шагов вдоль фасада здания. Остановилась. Прислушалась.

Город жил своей жизнью. Где-то лаяла собака. Громко выясняла отношения молодая пара на балконе третьего этажа. Гудел поезд на далекой сортировочной станции.

Никто не визжал тормозами. Никто не бежал следом с букетом ромашек или предложением прокатить с ветерком.

Она свернула в узкую щель между гаражами. Кирпичи царапнули рукав рубашки. Впереди замаячил свет фонаря над детской площадкой общежития.

Улица Строителей встретила ее привычной пылью и запахом мусорных баков. Окна дома четыреста двенадцать светились тусклым светом — Ирка со второй смены уже вернулась и включила телевизор. Жизнь текла своим чередом.

Анна подошла к тяжелой подъездной двери. Достала теплый деревянный брелок.

Перед тем как войти, она запрокинула голову. Двадцать четвертый этаж отсюда казался просто темным квадратом неба. Где-то там, за панорамными окнами, сидел взбешенный миллиардер, залечивающий уязвленное эго бокалом вина стоимостью в годовую зарплату местного населения.

Анна представила, как он смотрит вниз, пытаясь высмотреть в темноте ее фигуру. Представила его недоумение. Как это существо посмело сказать «нет»? Как оно посмело уйти пешком, когда им предложили личный самолет?

Губы Анны тронула едва заметная улыбка. Настоящая, не тренировочная. Первая искренняя эмоция за весь день.

Она знала, от чего отказывается. Отказывается от клетки с позолотой ради возможности дышать пылью свободы. Артур думал, что предлагает ей ужин. На самом деле он предлагал ей стать экспонатом в своем зоопарке.

Анна вставила ключ в замок. Железо лязгнуло, поворачиваясь в скважине. Мир снаружи мог сходить с ума. Мог предлагать скорости, души и бриллианты.

Здесь, внутри бетонной коробки с линолеумом, пахнущим хлоркой, начиналась территория Анны Вороновой. Территория нулевого доступа.

Глава 4. Застенчивый программист

Тяжелая дверь четырехста двенадцатой комнаты закрылась за спиной с глухим звуком, отсекающим уличную пыль и суету. Воздух внутри был густым, спертый и пах чужим сном — смесью дешевого стирального порошка, остывающего пластика телевизора и сладковатого аромата фруктового чая из пакетиков.

Ирка-швея уже вернулась со смены. Она спала на своей койке у окна, свернувшись калачиком под тонким шерстяным одеялом. Ее дыхание было ровным, глубоким, лишенным кошмаров. На тумбочке мигал зеленым индикатором дешевый кнопочный телефон, заряжаясь от старой розетки. Человек без амбиций спит крепко.

Маринка отсутствовала. Постель была разворошена, на подушке валялась заколка со стразами, а в воздухе еще витал шлейф приторно-цветочного дезодоранта. Судя по всему, «птица-говорун» отправилась искать приключений или спонсора на вечер пятницы. Для Анны это означало временный контроль над акустическим пространством комнаты.

Она не стала включать свет. В серых сумерках летнего вечера ориентироваться было проще — глаза не требовали адаптации, а тени надежно скрывали ее перемещения от возможного наблюдателя через окно. Хотя Артур вряд ли смотрел сейчас сюда; его оптика наверняка была направлена на более интересные объекты после публичного унижения на парковке.

Анна подошла к своей кровати — той самой, что стояла в самом темном углу, изголовьем к стене. Села на край. Пружины старого матраса привычно простонали, принимая вес. Этот звук был почти успокаивающим. Он напоминал о стабильности руин.

Первым делом она сняла рюкзак. Мышцы спины отозвались тупой болью — восемь килограммов стали, бумаги и воды давали о себе знать после тридцати километров пути и психологического спарринга с тремя разными видами хищников. Она поставила рюкзак на пол, прислонив его к ножке кровати так, чтобы клапан всегда оставался в поле зрения. Доверять казенному линолеуму нельзя даже во сне.

Затем она достала воду. Полуторалитровая пластиковая бутылка из лавочки с решетками приятно холодила ладони. Анна свинт крышку. Вода отдавала химией и хлоркой местного водоканала, но сейчас это был вкус абсолютной победы. Это была *ее* вода, купленная на *ее* деньги, добытая вопреки маршрутизации Артура.

Она сделала несколько больших глотков. Холодная жидкость потекла по пересохшему горлу, гася внутренний жар. Адреналиновый фон последних часов наконец начал спадать, уступая место звенящей усталости. Организм требовал перезагрузки. Сон был бы логичным шагом. Четыре часа глубокого восстановления перед новым циклом.

Но спать было рано. День рождения Анны Вороновой в качестве свободного человека продолжался, и программа сбоев не давала.

Ее взгляд упал на подоконник. Между банкой из-под кофе, полной окурков (оставленных Маринкой), и засохшим кактусом лежала вещь, которой здесь быть не должно. Тонкий прямоугольник белого картона. Визитка.

Анна плавно, без резких движений, поднялась. Подошла к окну. На картоне строгим шрифтом Helvetica Neue было напечатано: «Артур Вольнов. Инвестиции. Управление активами». Ниже — только номер телефона, состоящий из повторяющихся цифр. Ни адреса офиса, ни электронной почты. Абсолютная монополия на инициативу. Тот, кому нужно, найдет способ связаться. Остальные могут идти к черту.

Он подбросил ее через форточку, пока они были в магазине? Или передал через Ирку? Нет, Ирка спит ангелом. Значит, либо консьерж внизу, либо визитка была просунута под дверь полчаса назад.

Анна взяла картон двумя пальцами. Поднесла ближе к глазам. Плотность бумаги высочайшая, края срезаны лазером идеально ровно. Такие вещи стоят дороже, чем люди, которые их держат.

Она положила визитку обратно на подоконник. Рядом с ней легла аптечная резинка, которую Анна сняла с волос. Тусклые русые пряди тяжелой волной упали на плечи, закрывая острые ключицы. Распущенные волосы меняли силуэт, делая ее менее угловатой, более уязвимой. Очередная маска. Маска уставшей студентки.

Нужно было двигаться. Сидеть неподвижно в замкнутом пространстве после контакта с Альфой опасно — начинаешь генерировать мысли, а мысли создают паттерны поведения. Паттерны ведут к предсказуемости. Предсказуемость ведет в могилу или обратно в лабораторию.

Анна открыла свой рюкзак. Достала томик Канта. Провела пальцем по корешку. Бумага была мягкой, зачитанной. «Критика чистого разума» — лучший антисептик против экзальтации Льва и пафоса Макса. Но сегодня разум столкнулся с иррациональностью иного порядка — скукой сверхчеловека. Логика пасует перед человеком, которому ничего не нужно, потому что его потребности невозможно удовлетворить стандартными методами.

Она убрала книгу обратно. Вместо нее извлекла металлическую кружку. Налила туда воды из бутылки. Поставить чайник? Электрическая спираль воняла горелой пылью, а запах быстро распространится по комнате, выдавая присутствие.

Нет. Она вытащила из бокового кармана рюкзака маленький походный кипятильник. Шнур питания заканчивался стандартной вилкой. Розетка находилась прямо над тумбочкой Ирки. Провод будет коротким, придется сидеть вплотную к спящей женщине.

Анна села на пол, скрестив ноги по-турецки. Опустила кипятильник в кружку. Щелкнула выключателем переноски. Металлическая спираль начала краснеть, тихо пузыряя воду.

Пока вода грелась, она слушала. Слышала, как гудит старый холодильник в коридоре. Как капает вода из неисправного крана в общем туалете этажом выше. Как дышит Ирка — вдох на четыре счета, выдох на шесть. Как далеко, на соседней улице, срабатывает сигнализация чьей-то машины.

Городской шум имел свою структуру. Фрактальную, хаотичную, но подчиняющуюся законам физики. Люди же вносили в эту структуру помехи. Макс внес визг шин. Лев внес крик раненого самца. Артур внес тишину бронированных стекол.

Вода закипела. Кипятильник щелкнул автоматикой и погасил спираль. Анна выдернула шнур из розетки. По комнате поплыл легкий запах озона.

Она заварила чай. Прямо в металлической кружке. Один пакетик самого дешевого черного чая. Горячая, терпкая жижа цвета ржавчины наполнила ноздри ароматом веников и детства. Она пила его маленькими глотками, сидя на полу в темноте. Это был самый вкусный напиток, который она пробовала за свои восемнадцать лет. Потому что он принадлежал ей. Весь этот вечер, эта кружка, эта пыль под кроватью — всё это было результатом ее собственного выбора траектории.

Допив чай, она сполоснула кружку остатками холодной воды. Протерла носовым платком. Убрала кипятильник. Поправила ляжку рюкзака, которая чуть сместилась.

Пора выходить. Цель выхода — разведка периметра. До полноценного трудоустройства нужно понять геометрию района, слепые зоны камер, график обхода полиции и расположение точек бесплатного Wi-Fi. Информация — это единственная валюта, которая имеет ценность при нулевом балансе.

Анна надела рюкзак. Движение вышло плавным, отработанным годами тренировок. Центр тяжести распределился вдоль позвоночника. Она превратилась в единый механизм. Подошла к двери. Замок щелкнул дважды — закрыться полностью в таких дверях можно было только дожав плечом.

В коридоре общежития царил относительная тишина. Из-за некоторых дверей доносились приглушенные звуки телевизоров, где-то занимались сексом, стараясь не скрипеть панцирной сеткой. Жизнь рабочего класса текла по своим биологическим часам.

Анна спустилась по лестнице. Лифтом пользоваться она не собиралась — ловушка объемом один кубический метр. Проходя мимо каморки комендантши, заметила, что бумажка «Ушла на базу» сменилась на «Буду в 23:00». Телевизор внутри орал на полную громкость, транслируя шоу про экстрасенсов. Отлично. Страж ворот нейтрализован собственным низким порогом восприятия.

Улица встретила ее долгожданной прохладой. Солнце село окончательно. Небо стало темно-фиолетовым, бархатным. Зажглись редкие фонари, заливая асфальт болезненно-оранжевым светом натриевых ламп.

Анна пошла знакомым маршрутом. Общага — пустырь — супермаркет — дворы. Ей нужно было дойти до парка культуры и отдыха имени Горького, если верить бумажной карте. Парки хороши тем, что там много естественных укрытий, высокая плотность прохожих для маскировки и открытые точки доступа к электросетям уличных фонарей.

Она шла быстрым, деловым шагом. Не сутулилась. Держалась освещенной стороны улицы, но избегала прямого попадания света в лицо. Профиль безопасного пешехода.

Район постепенно менялся. Панельные пятиэтажки сменялись сталинками с облупившейся лепниной, те, в свою очередь, переходили в зону частного сектора, чудом выжившую посреди городской застройки. Заборы становились выше, собаки лаяли злее.

Через двадцать минут ходьбы архитектура снова изменилась. Начался район новостроек бизнес-класса. Гладкие фасады из темного стекла, подземные паркинги, огороженные территории. Здесь улица Строителей превращалась в широкий бульвар с велодорожками.

Анна почувствовала изменение ритма пространства. Здесь каждый квадратный метр стоил миллионы. Здесь не ходили пешком такие, как она. Сюда ездили на самокатах курьеры и машинах вроде BMW Артура.

Она миновала фитнес-клуб с панорамными окнами. За стеклом, подсвеченные мертвенным синим светом, люди бежали на дорожках, никуда не перемещаясь. Символ современного общества — максимальное усилие ради сохранения статус-кво.

Впереди замаячил поворот. Большой транспортный узел, где бульвар пересекался с оживленной магистралью. Налево уходил спуск к набережной, направо — въезд в элитный жилой комплекс, охраняемый людьми в черной форме. Прямо — продолжение бульвара, ведущего к парку.

Дорога Анны лежала прямо. Никаких поворотов. Линейная функция движения из точки А в точку Б.

Но когда до перекрестка оставалось метров тридцать, она уловила диссонанс. Краем глаза. На периферии зрения.

Справа, в кармане автобусной остановки, которого официально не существовало на этой стороне дороги (там был лишь знак запрета остановки), стоял человек.

Он стоял совершенно неподвижно. В эпоху, когда никто не стоит просто так — все смотрит в телефоны, курят или ждут такси — полная статика выглядела аномально.

Анна не повернула головы. Продолжила идти тем же темпом, сканируя фигуру исключительно боковым зрением, используя отражения в тонированных витринах магазина электроники.

Парень. Лет двадцати двух. Очень худой, почти костлявый. Одет в джинсы, которые ему велики размера на два, и огромную толстовку с капюшоном, натянутым глубоко на голову, хотя ночь была теплой. Руки он прятал в карманах кенгурушки, плечи приподняты, словно он постоянно мерз или ожидал удара.

Но самым странным был угол наклона его тела. Он не просто стоял. Он был зафиксирован в полуприседе, опираясь одной коленкой на скамейку остановки. Позиция крайне неудобная для долгого ожидания. И предмет в его руках. Глянцевый прямоугольник открытой крышки ноутбука. Экран светился в темноте агрессивным белым светом, создавая вокруг парня ореол, похожий на нимб сумасшедшего святого.

Расстояние сокращалось. Двадцать метров. Пятнадцать. Десять. Парень вдруг дернулся. Резко, конвульсивно, словно его ударило током. Капюшон немного сполз набок, обнажив копну всклокоченных рыжих волос и огромные очки в роговой оправе, съехавшие на самый кончик носа. Лицо было бледным, покрытым россыпью веснушек, и блестело от пота.

— Э-э... э-экскуз ми! — выкрикнул он, и голос сорвался на высокой петушиной ноте.

Анна продолжала идти. Шаг. Еще шаг. Расстояние — семь метров. Если он вооружен ножом, дистанция критическая. Если пистолетом — фатальная. Но поза выдавала полное отсутствие навыков обращения с оружием. Вся его биомеханика кричала о сидячем образе жизни, атрофированных мышцах и прогрессирующем сколиозе.

— П-п-простите! — парень буквально выпрыгнул из своего кокона. Споткнулся о бордюр, едва не уронив ноутбук, но каким-то чудом удержал равновесие. Выпрямился. Теперь он стоял прямо на ее пути, нелепо расставив длинные руки в стороны, словно пытаясь обнять весь мир или поймать сбежавшего кота. Его била крупная дрожь. — Я н-не маньяк! То есть, я м-могу им стать, если вы не остановитесь, но в коде это л-логическая ошибка, я ее сейчас и-исправлю!

Анна остановилась. Не потому, что испугалась. И не потому, что хотела поговорить. Она остановилась, потому что продолжать движение вперед значило войти в физический контакт с нестабильным объектом. При столкновении хрупкое устройство в его руках могло разбиться, а осколки экрана представляли угрозу слизистым оболочкам. Техника безопасности превыше всего.

Она замерла в трех метрах от него. Приняла открытую стойку, опустив руки вдоль тела. Поза готовности, считываемая любым животным как «я тебя вижу, мне плевать».

Парень тяжело дышал, хватая ртом воздух. От него пахло перегретой электроникой, растворимым кофе и мятной жвачкой, которую он жевал так интенсивно, что двигалась вся челюсть.

— В-вы Анна? — спросил он, глядя на нее поверх очков безумными глазами фанатика.

— Допустим, — ответила она. Голос прозвучал ровно, заполняя паузу между всхлипываниями его дыхания.

— Я знал! — воскликнул он и тут же зажмурился от звука собственного голоса. — То есть, я не з-знал точно, алгоритм давал вероятность сорок три процента, но байесовское обновление данных при вашем появлении с-сместило вектор до девяносто восьми!

Он сделал порывистый шаг к ней. Анна осталась на месте, лишь слегка перенесла вес на правую ногу, готовая уйти в пережат.

— Не подходите, — сказала она. Одно слово. Ровный приказ.

Парень замер. Будто налетел на невидимую стену. Его кадык судорожно дернулся. Он покраснел так сильно, что веснушки на лице практически исчезли, утонув в багровом цвете кожи.

— П-простите, — прошептал он, отступая на полшага назад. — Нарушение личного периметра. Функция `distance(user_A, user_B) < threshold`. Моя вина. Я плохой в-диалог-менеджер. Обычно я общаюсь с Python, он никогда не перебивает и не смотрит так, будто хочет запустить форматирование диска C через взгляд.

Он нервно поправил очки указательным пальцем. — Меня зовут Денис, — представился он, пытаясь говорить тише, отчего голос стал еще более сиплым. — Ну, вообще-то мой никнейм в GitHub — Spectre_Zero, но паспорт говорит Денис. Я... я написал для вас программу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.